

Мамин-Сибиряк Дмитрий Наркисович

Первая охота

Рассказ

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
Д53

Д53 **Дмитрий Наркисович М.**
Первая охота: Рассказ / Мамин-Сибиряк Дмитрий Наркисович – М.: Книга
по Требованию, 2025. – 36 с.

ISBN 978-5-519-95265-1

ISBN 978-5-519-95265-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

лику, и жаждали видѣть опасный подарокъ.

Сегодня Павликъ именинникъ, и ружье общано давно.

— Павликъ, одѣвайся поскорѣе... Мы пришли тебя поздравлять.

— И я поздравлять, — выдѣлился голосъ Пети. — Сколѣе...

Такое назойливое любопытство нѣсколько расхолодило именинника, и онъ спряталъ ружье подъ диванъ. Эти глупые ребята еще изломають что-нибудь.

— Ну, что вамъ нужно?—довольно сурово спрашивалъ Павликъ, когда одѣлся и привелъ постель въ порядокъ.

Дѣти ввалились въ комнату Павлика всей гурьбой и принялись его поздравлять—каждый по-своему. Таточка вышила ему погонъ для ружья. Катя и Ниночка преподнесли ему коллекцію жучковъ, которую еще собрали весной, а Леля и Петя представили цѣлую картину, на которой Павликъ шелъ съ ружьемъ и собакой „Кармень“. Картина въ смыслѣ искусства заставляла желать многого; но зато художники очень ужъ старались,—ружье вышло вдвое длиннѣе, чѣмъ ему полагается, одна нога у Павлика была короче, а другая точно вывихнута, „Кармень“ походила на

деревянную лошадку, въ довершеніе всего по небу летѣль рябчикъ, напоминавшій собаку. Впрочемъ, художники были настолько добросовѣстны, что не желали вводить именинника въ заблужденіе, и подъ каждой фигурой написали ея истинное значеніе. Даже нарисована была дробь съ подписью: „дробь“.

Павликъ немного растерялся при видѣ этихъ знаковъ общаго вниманія и не зналъ, что ему отвѣчать.

— А лузье? гдѣ лузье?—приставалъ Петя:

— Никакого ружья нѣтъ,—съ серіознымъ видомъ отвѣчалъ Павликъ, трепеща за свое сокровище.

— Какъ нѣтъ, а подъ диваномъ?

Ружье открыла Леля, очень шустрая пятилѣтняя дѣвочка. Скрываться далѣе уже не было никакой возможности. Павликъ не выпускалъ изъ рукъ ружья все время, пока дѣти его осматривали.

— Я удивляюсь, что интереснаго въ такой штукѣ дѣвчонкамъ,—замѣтилъ Павликъ, съ торжествомъ помѣщая ружье на стѣну.—Знали бы своихъ куколъ...

Таточка обидѣлась, но вспомнила, что Павликъ именинникъ, и простила ему. Ей самой понравилось это великодушіе и она по-

чувствовала себя опять очень счастливой. Всѣ эти мальчишки ужасные грубіяны...

На террасѣ, выходящей въ садъ, всѣ тоже ожидали появленія Павлика — отецъ, мать и дядя Антонъ, капитанъ въ отставкѣ. Самоваръ уже былъ на столѣ, и все было устроено по-праздничному. У террасы стоялъ безъ шапки садовникъ Африканъ и смотрѣлъ на молодого барчука съ таинственной улыбкой.

— Дядя, милый, спасибо! — благодарилъ Павликъ, цѣлуя бритое лицо капитана. — Ахъ, какое ружье...

— Смотри, учись стрѣлять хорошо, — наставительно замѣтилъ дядя. — Понимаешь? Тузомъ пикъ въ пулю попадай, т.-е. наоборотъ...

— А мнѣ такъ рѣшительно не нравятся подобныя подарки, — замѣтила мать, наливая Павлику стаканъ чая. — Для чего ружье? Можно было отлично обойтись и безъ него...

— Пора ему быть мужчиной, — поддержалъ именинника отецъ. — Охота, это... это... Однимъ словомъ, укрѣпляетъ и дѣлаетъ мальчика мужественнымъ... Закаляетъ, такъ сказать... вообще пріучаетъ къ опасностямъ... да. Не правда ли, Антонъ?

— Еще бы!.. Какой же Павликъ будетъ

мужчина, если онъ не будетъ ходить на охоту? Это, братъ, такая школа... да, школа...

— Очень жестокая школа, — поправила мать: — потому что приучаетъ къ жестокимъ удовольствіямъ...

— Позвольте, а прокалывать букашекъ булавкой не жестокое удовольствіе? — сказалъ дядя Антонъ. — А удить рыбу? Наконецъ, если на то пошло, то и цвѣты рвать — тоже жестокость: можетъ быть, они тоже чувствуютъ боль.

— Очень можетъ быть, — согласилась мать. — Я даже гдѣ-то читала, что растенія чувствуютъ боль, но не умѣютъ выразить этого ни звукомъ, ни движеніемъ... Это ужасно, если только правда.

— Ха-ха... Дѣйствительно ужасно! — хохоталъ дядя. — Все это, матушка, только чувствительныя слова. Сама же сегодня заказывала супъ изъ говядины, потомъ я видѣлъ въ кухнѣ, что жарятъ рыбу къ обѣду.

— Да, но я не убивала быка для собственного удовольствія, не рѣзала для этого же рыбу.

— Все равно, быка убьетъ мясникъ, а рыбу разрѣжетъ кухарка.

— Опять не для собственного удоволь-

ствія, а по необходимости и часто очень печальной... — Вотъ Павликъ будетъ убивать беззащитную птичку только для удовольствія.

— Мама, а Нимвродъ тоже вѣдь былъ охотникъ?—вставилъ свое слово Павликъ.— Потомъ Исавъ жилъ ловитвой, т.-е. охотой.

— И наши великіе писатели тоже были охотниками: Тургеневъ, Толстой, Аксаковъ,—прибавилъ дядя.—А ужъ они-то, кажется, понимали побольше нашего.

— Господа, прекратимте лучше нашъ споръ,—предлагала мать.—Все равно, мы не убѣдимъ другъ друга... Пусть всякій остается при своемъ.

Отецъ во время этого спора молчалъ. Онъ, вообще, терпѣть не могъ споровъ и теперь былъ доволенъ, что дядя Антонъ успокоился.

Семья Гавриловыхъ каждое лѣто уѣзжала изъ Петербурга на дачу въ Новгородскую губернію, а потомъ купила тамъ небольшой клочекъ земли и выстроила лѣтній домикъ. Имѣть свой уголокъ было завѣтной мечтой, и дѣти цѣлую зиму думали о томъ, какъ они будутъ жить у себя въ деревнѣ. Имѣннице было крошечное и только еще устраивалось. Даже не было сада, какъ это бываетъ на дачахъ, а садовникъ Африканъ назывался са-

довникомъ по недоразумѣнію, — онъ былъ и дворникомъ, и кучеромъ, и кухоннымъ мужикомъ, и посыльнымъ — рѣшительно всѣмъ, кромѣ садовника. У Гавриловыхъ была своя лошадка, на которой отецъ каждый день ѣздилъ на станцію желѣзной дороги, — ему приходилось бывать въ Петербургѣ на службѣ каждый день, а отдыхать только по праздникамъ, какъ сегодня. Семья жила дружно, и лѣто въ своемъ имѣніи являлось и лѣкарствомъ отъ петербургской зимы, и величайшимъ удовольствіемъ. Дядя Антонъ тоже пріѣзжалъ погостить и отдохнуть. Какъ всѣ старые холостяки, онъ былъ большой ворчунъ и любилъ поспорить, хотя всегда отличался самой широкой добротой. Дѣти это чувствовали и одолѣвали его всевозможными просьбами. Дядя Антонъ долженъ былъ знать рѣшительно все на свѣтѣ, рисовать, строить игрушечныя мельницы, высушивать цвѣты, кричать по-индюшечьи изображать медвѣдя, танцовать, играть на гармоникѣ и т. д. И дядя все исполнялъ включительно до того, что даже пришивалъ пуговицы къ дѣтскимъ костюмамъ. Вѣдь эти пуговицы имѣли странную привычку отпадать сами собой и теряться, а мама всегда сердилась, если это случалось. Дядя же при-

возилъ игрушки и потомъ долженъ былъ ихъ починивать, что было еще труднѣе, чѣмъ пришить какую-нибудь пуговицу. Вообще, дядя Антонъ былъ самый необходимый человѣкъ въ домѣ, котораго можно было тормозить, надоѣдать по цѣлымъ днямъ и всячески изводить. Дѣти не могли даже себѣ представить, какъ другіе живутъ безъ дяди Антона.

II.

Нѣсколько дней ушло у Павлика на самыя серіозныя подготовленія къ охотѣ, причемъ все это содержалось въ самой строгой тайнѣ. Главнымъ совѣтникомъ являлся дядя Антонъ, какъ всезнающій человѣкъ. Онъ научалъ, какъ снаряжать патроны, какъ нести ружье по болоту, въ лѣсу, прочиталъ цѣлую лекцію о разныхъ номерахъ дроби и далъ тысячу совѣтовъ „старшаго опытнаго охотника“, причемъ даже проползъ на животѣ по полу, показывая наглядно, какъ нужно подкрадываться къ уткамъ

— Утка, братъ, птица хитрая, — сообщалъ дядя Антонъ по секрету. — Она, братъ, кого угодно обманетъ... Въ другой разъ ползешь-

ползешь за ней, сажень сто ползешь по болоту, подползъ, а она, братъ, уплыла къ другому мѣсту, точно вотъ въ глаза на-смѣхается надъ тобой. Самая продувная бестія...

— Дядя, а отчего ты не хочешь идти со мной?—приставалъ Павликъ.

— Я-то? Гм... Ревматизмъ у меня, Павликъ, да и отвыкъ, признаться сказать. Ступай съ Африканомъ да съ „Карменъ“,—все будетъ хорошо.

Старая лягавая сука Карменъ вполнѣ сочувствовала этимъ приготовленіямъ и слабо взвизгивала, когда Павликъ бралъ ружье въ руки и дѣлалъ видъ, что прицѣливается въ невидимую дичь. Она тоже волновалась, отдаваясь своему охотничьему инстинкту, и сторожила Павлика, чтобы онъ не ушелъ на охоту одинъ.

Капитанъ и Павликъ спали въ одной комнатѣ, поэтому никто не могъ знать, что они дѣлали послѣ ужина и о чемъ говорили. Тачка начинала ревновать Павлика къ дядѣ, потому что, очевидно, они оба что-то скрывали отъ нея, считая ее недостойной принимать какое-нибудь участіе въ приготовленіяхъ къ первой охотѣ Павлика. Между тѣмъ она чувствовала, что могла бы от-

лично мѣрять порохъ и дробь такой хорошенькой металлической мѣркой, и, наконецъ, она совсѣмъ не раздѣляла мнѣній мамы относительно охоты. По мнѣнію Таточки, охота уже потому хорошая вещь, что охотничьи костюмы такъ идутъ къ мужчинамъ. Она сама видѣла нѣсколько охотниковъ въ сѣрыхъ курткахъ съ зелеными отворотами, въ высокихъ сапогахъ и въ какихъ-то мудреныхъ шапкахъ. У Павлика, конечно, не было настоящаго охотничьяго костюма, но это еще не значило, что онъ не могъ его имѣть. А какъ хорошо придти въ такомъ костюмѣ въ фотографію и сняться... Отчего не принято, чтобы женщины ходили на охоту? Дядя, впрочемъ, рассказывалъ, что во Франціи дамы охотятся за лягушками... Фи! какая гадость...

Дядя Антонъ самъ выбралъ день, когда отправляться на охоту. Онъ наканунѣ внимательно наблюдалъ состояніе неба и рѣшилъ, что все обстоитъ благополучно. Африкану былъ отданъ приказъ быть готовымъ и чтобы онъ спалъ на террасѣ.

— Ну, утро вечера мудренѣе, — торжественно сказалъ дядя, укладываясь спать. — Нужно, братъ, по-суворовски спать: кулакъ подъ голову... Такъ-то!...

Раннимъ лѣтнимъ утромъ Павликъ былъ разбуженъ.

Ему ужасно хотѣлось спать. Онъ засыпалъ два раза, натягивая охотничьи сапоги. Но дядя былъ неумолимъ.

— Павликъ, не будь бабой. По-суворовски, братъ... Ну, живо повертывайся. Разъ, два, три—маршъ...

Солнце еще не поднималось, а только на востокѣ бѣлѣла желтоватая полоска предутренней зари. Кругомъ стоялъ какой-то непріятный сѣрый полумракъ. Африканъ спалъ самымъ безсовѣстнымъ образомъ, и Павлику пришлось идти его будить.

— Въ этомъ негодяѣ нѣтъ никакой охотничьей жилки,—ворчалъ дядя Антонъ, закутываясь въ одѣяло до самаго подбородка.— Нужно по-суворовски: разъ! два! три! а онъ спитъ...

Сонная „Карменъ“ отправилась вмѣстѣ съ Павликомъ и все время отчаянно зѣвала. Послѣ теплой комнаты на дворѣ было такъ холодно и потомъ роса. Старушка отвыкла отъ охотничьихъ походовъ и поджимала хвостъ, жалобно моргая слезившимися глазами. Зато Павликъ почувствовалъ себя на свѣжемъ воздухѣ такимъ бодрымъ, — совсѣмъ Суво-